

Общие проблемы
политической концептологии

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И НАУКА:
СОСТАВ И ОСНОВАНИЯ
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

В.М. Розин
Институт философии РАН

Аннотация: В статье обсуждается природа и специфика социальной науки. При этом автор, с одной стороны, рефлексивизирует существующие социальные исследования, поэтому анализирует несколько кейсов, с другой – обсуждает основания социальной науки, которые выделялись известными социальными учеными и философами, З. Бауманом, Б. Латуром, Н. Луманом, В. Федотовой. Автор вслед за Федотовой приходит к выводу, что в социальных науках реализуются две методологии и подхода – естественнонаучный и гуманитарный; предлагается анализ их строения и работы. Помимо этой закономерности указывается на популятивный и культурно-исторический характер социальности. Обсуждаются границы исследования оснований социальной науки.

Ключевые слова: исследование, наука, методология, закономерность, сингулярность, социальность, социология, мышление, рефлексия, идеальный объект.

В методологическую схему второй половины XIX века «науки о природе и науки о духе» социальные и общественные научные дисциплины не входили. Они методологически обустраивались отдельно от естествознания и гуманитарных наук (более позднее название наук о духе), хотя и с оглядкой на них. На последнее обстоятельство обратил внимание Зигман Бауман в своей интересной книге «Мыслить социологически» [Бауман 1996]. Он отмечает, что на первом этапе формирования социология, по выражению Бруно Латура, «пыталась подражать естественным наукам в уровне сциентизма» [Латур 2014: 344]. При этом социологию Бауман понимает достаточно широко, как связанную с другими социальными науками, которые задают для социологии более широкое целое, контекст: «то, что отличает социологию и придает ей особый характер, – это привычка рассматривать человеческие действия как элементы более широких структур» (экономических, правовых, культурных, институциональных и пр.) [Бауман 1996: 12].

Этот первый естественнонаучный подход в социологии Бауман подкрепляет разбором представлений классика социологии Э. Дюркгейма. Хотя Дюркгейм признавал отличие социальных фактов от природных, тем не менее, он считал возможным объективно изучать социальные явления. «Желая правильно описать и объяснить человеческое поведение, социолог

должен (и его призывают) оставить в стороне человеческую душу, намерения и личные смыслы, о которых нам могут поведать только сами индивиды (“загадки человеческой души”, таким образом, обречены оставаться незамеченными и непроницаемыми), и обратиться к изучению явлений, которые можно наблюдать со стороны и которые будут казаться разным наблюдателям одинаковыми» [Там же: 231].

Но на втором этапе более важным для ряда социальных ученых становится гуманитарный подход, здесь пионером, безусловно, выступил Макс Вебер. «Мысль о том, что существует один, и только один, способ “быть наукой” и что поэтому социология должна самоотверженно подражать естественным наукам, Вебер категорически отвергает... объяснить человеческое действие – значит понять его: уловить смысл, которым действующий субъект наделяет его» [Там же: 12–14]. Работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» – пример реализации этих взглядов [Вебер 2002].

Позиция Баумана, естественно, ближе ко второму подходу, из его методологических взглядов на социальные науки можно взять два важных положения, а именно, что социальные знания представляют собой не описания идеальных объектов как в естествознании, а интерпретации, а также что социальная реальность в отличие от «первой природы» «популярна», т. е. представляет собой множественный феномен. «Социология – это расширенный комментарий опыта обыденной жизни, интерпретация, основывающаяся на других интерпретациях и, в свою очередь, питающая их. Она не конкурирует, но соединяет свои силы с другими частными дисциплинами, занимающимися интерпретацией человеческого опыта (литература, искусство, философия). Социологическое мышление, по меньшей мере, подрывает веру в исключительность и полноту какой бы то ни было интерпретации. Оно привлекает внимание к множественности опытов и форм жизни, показывает каждую из них как целостность саму по себе, как мир со своей собственной логикой и в то же время разоблачает всю фальшь ее самодовольства и якобы явной самодостаточности» [Бауман 1995: 239–240].

Правда, с первым положением стоит согласиться с поправкой. В социальных науках (социологии, политике, экономике, юриспруденции, истории, социальной психологии и др.) тоже создаются идеальные объекты (например, «общество», «группы», «социальные отношения», «действия», «акторы», «институты»), но по отношению к социальному действию и практике эти объекты действительно выступают как «схемы», на основе которых создаются разнообразные интерпретации. Скажем, политологи и политики используют понятие социального института или общества именно как схемы, позволяющие, с одной стороны, объяснить для себя и своей аудитории происходящие социальные процессы и коллизии, с другой – вменить участникам этих аудиторий нужные представления (о схемах, которым мы придаем в развитии социальности большое значение, см. нашу работу «Введение в схемологию» [Розин 2011]).

Обсуждая специфику социальных наук, известный социальный философ В.Г. Федотова, утверждает, что обе, отмеченные Бауманом методологические стратегии (программы) – естественнонаучная и гуманитарная должны иметь место в социальных науках. «Подчеркивается, – пишет Федотова, – значение научно-гуманитарного и вненаучного социального знания... Однако социальные науки несут ответственность перед людьми за состояние социальной жизни, ибо их цель заключается не только в объективном познании, но и нахождении путей социально необходимых преобразований. Требование понятности, доступности для обсуждения заменяется другим – уметь раскрыть социальные механизмы, дать возможность их использовать, осуществить не только регулятивно-консультативную, но и познавательно-преобразующую, даже технологическую функцию <...>.

Речь идет о взаимодействии социальных и гуманитарных наук, то есть об одновременной работе двух программ. Одна анализирует цели и ценности субъекта, другая выявляет за-

кономерности, которые могли бы привести к достижению этих целей... Попытка строить третью, «интегрирующую», неверна, хотя бы потому, что обе программы имеют разнонаправленные векторы, взаимоотрицают друг друга» [Федотова 2000: 136, 139].

Действительно, взаимодействие двух указанных подходов и программ видны (можно реконструировать) в большинстве социальных исследований. Например, Питер Грин, анализируя походы Александра Македонского, с одной стороны, реконструирует представления самого Александра (идентификация с героями и даже с богами, любопытство и космическое мировоззрение, отчасти сложившиеся под влиянием Аристотеля, ум и расчетливость, жажда власти), также как и представления его окружения и подчиненных, с другой – «деиндивидуальные», социальные условия и процессы (особенности македонского государства и армии, социальный «посыл», инициировавший организацию походов в Персию, военные стратегии и технологии, влияние походов Александра на эллинистическую культуру) [Розин 2016: 47–70]. Аналогично, исследуя холокост, Бауман реконструирует особенности сознания и видения основных участников этой трагедии параллельно деиндивидуальным процессам происходящего (европейская традиция отношения к евреям как к козлам отпущения, захват нацистами власти в Германии, разработка и вменение законов в отношении евреев, формирование социальной технологии и институтов, обеспечивающих реализацию этих отношений) [Там же: 13–28]. При этом в обоих случаях связующим началом и посредником выступали: установление новой власти, социальные месседжи («посылы»), процессы управления, разработка технологий и создание новых институтов.

Понимает ли социальный ученый, что реализует одновременно две разных методологии? Думаю, нет, для подобного понимания нужна новая оптика. Тогда возможно мы не правы, и в социальных дискурсах нет того, о чем я здесь пишу. Чтобы все же убедиться в обратном, взглянем на характерное социальное исследование. Для этого воспользуемся авторским изложением становления европейского государства, выполненного на основе книги Мартина Кревельда «Расцвет и упадок государства», и затем прокомментируем это изложение.

Начиная со второй половины XVI, но главным образом в XVII столетии идет «процесс постепенного вытеснения королей из процесса управления. Причем, как ни парадоксально, именно за счет определенной рациональной организации управления. А именно передачи части своих полномочий исполнителям. Сначала это были просто доверенные слуги или помощники короля, затем – назначенные и отвечающие закону чиновники. Постепенно и незаметно таким способом были переданы все властные полномочия; в результате власть королей становится номинальной и переходит к чиновникам (бюрократии)...

История политических сообществ, – пишет Кревельд, – «включая сообщество, именуемое государством, почти эквивалентна описанию того, как увеличивался штат исполнителей, как менялся способ их организации, каким образом они получали средства к существованию или вознаграждались за свои усилия... В исследуемый период времени важнейшим изменением была смена непрямого правления через феодалов на прямое управление, осуществляемое от имени короля чиновниками, получающими жалованье... По мере того, как монархи расширяли свою власть за счет церкви, землевладельческой аристократии и городов, эти должностные лица из исполнителей, отвечающих за королевское имущество, превращались в правительственных чиновников... К тому времени чиновники, которые на протяжении веков были людьми короля, начали считать себя служителями абстрактного безличного государства...

Что значит передача власти от короля к чиновнику? Король обладал властью не столько потому, что такова была традиция, сколько потому, что он был сакральной фигурой и управлял. А почему должен иметь власть чиновник? Ну да, он теперь реально управлял. Но для статуса власти этого недостаточно. Для обретения властных полномочий необходимо

было еще одно обстоятельство, а именно принятое данным сообществом объяснение того, почему необходимо подчиняться, причем именно такому-то имяреку, чтобы признать власть чиновников (бюрократии) необходимо было культурное объяснение того, почему теперь нужно было подчиняться не королю, а именно чиновникам и почему именно данным имярекам. Эта проблема была постепенно решена за счет первых концепций государства, которые и выступили в роли подобного объяснения-легитимации.

Здесь две центральные фигуры – Гоббс и Локк, поскольку они построили две разные концепции государств. На место богов в концепции Гоббса встал Левиафан, который, с одной стороны, напоминает собой страшного мистического крокодила, призванного заставить эгоистических людей не воевать друг с другом, а жить в соответствии с законами государства, а с другой – социальную машину, действующую по законам первой природы. Обе составляющие были к месту. Первая представляет собой схему, задающую новую реальность, в которой человек из страха быть съеденным Левиафаном вынужден подчиниться государству... Вторая составляющая аргументирует это подчинение и необходимость при этом подчиняться законам природы, что в то время было общим местом (позднее И. Кант, например, считал, что природа заставит даже воюющие государства склониться к «вечному миру»)..

Подход Локка был противоположным: его не столько волновала проблема порядка в государстве, сколько ограничение абсолютной власти правителей... Если Гоббс шел от Платона, считая необходимым с помощью законов и Левиафана заставить людей вести себя разумно (действовать на общее благо), то Локк следовал за Аристотелем, который утверждал, что власть санкционируется полисом (обществом свободных и равных граждан), и именно граждане в ходе обсуждения и выборов устанавливают законы и попеременно исполняют их. Конечно, европейские общества Нового времени существенно отличались от античных полисов, да и граждане были непохожи, но все же Локк пытается привить к древу модерна античную идею полисной социальности. Организация государства, по Локку, должна постоянно находиться под контролем общества, а по Гоббсу, разумное поведение общества, напротив, должно определяться государством и сувереном» [Розин 2020: 238–239, 241, 244, 246, 247].

Зайдем к пониманию этого текста с точки зрения естественнонаучной методологии («социальной программы», по Федотовой). В этом случае перед нами объективный процесс перехода власти от короля к чиновникам, формирование первых концептов государства и как результат – становление европейского государства. Идеальные объекты в рамках этой методологии – власть и ее трансформация, концепты государства и само государство. Теперь посмотрим с точки зрения гуманитарной методологии. Тогда это процессы «непонимания-понимания» (непонятно, почему нужно подчиняться чиновникам, на которых нет нимба сакральности, и понятно, если они слуги государства, сосредоточивающего в своих руках всю власть) и процессы «смыслообразования», обусловленные вменением гражданам концепций государства. Здесь идеальные объекты другие: процессы понимания, смыслообразование, схемы, на основе которых осуществляются процессы понимания и смыслообразования.

Естественнонаучный подход (программа)	Анализ деиндивидуальных процессов и механизмов	Власть, концепты, государство и пр.
Гуманитарный подход (программа)	Анализ процессов понимания и смыслообразования	Схемы, концепты, понимание, смыслообразование

Стоит отметить, что власть и концепты могут быть истолкованы в рамках обоих методологий: с одной стороны, они обеспечивают становление государства, т. е. это один из механизмов социальной динамики, с другой – представления о власти и концепты государства формируют сознание граждан, задают новые смыслы.

Из предложенной здесь реконструкции можно понять, каковы отношения между процессами, истолковываемыми естественнонаучно (деиндивидуальными процессами), и процессами гуманитарными: они относительно независимы, причем одни выступают условиями других (например, условием передачи управления от короля к чиновникам выступает новое понимание власти, как исходящей от государства, и наоборот, новое понимание власти обеспечивается объективным процессом передачи управления). Здесь та же самая логика, как и в «Критике чистого разума» Канта. С одной стороны, разум в этой работе понимается как деиндивидуальное целое (разум как система идей философии, направляющих рассудок, причем Кант пишет, что «допущение некоего высшего мыслящего существа как единственной причины мироздания, но, конечно, лишь в идее, всегда может быть полезным разуму и никогда не может повредить ему» [Кант 1964: 581-582]; как Демиург разум по отношению к человеку явно деиндивидуален). С другой стороны, разум по Канту совпадает с разумом философов (в том числе и самого Канта). Получается, что условием действия деиндивидуальной ипостаси разума выступает разум философов, а условием индивидуальных разумов философов – действие деиндивидуального разума.

Совершенно другие отношения между рассматриваемыми двумя планами и целыми задает Никлас Луман и мой учитель Г.П. Щедровицкий. У Лумана главный план деиндивидуальный, а гуманитарный истолковывается как среда (люди понимаются как среда социальных систем), у Щедровицкого главный план – это мышление, а люди к нему присоединяются или нет. «Конкретные люди, – объясняет Луман, – являются не частью общества, а частью его окружающей среды. Нет большого смысла утверждать, что общество состоит из “отношений” между людьми... Общество является всеобъемлющей системой всех коммуникаций, воспроизводящих себя аутопойетически, в то время как она производит все новые (и все время другие) коммуникации в рекурсивной сети коммуникаций. Эмерджентность такой системы включает коммуникации, так как они способны к подключению лишь внутренним образом. Все другое она исключает. Таким образом, воспроизведение одной из таких систем требует способности различения системы и окружающей среды. Коммуникации могут опознавать коммуникации, отличать их от других обстоятельств, относящихся к окружающей среде в том смысле, что хотя и можно совершать коммуникацию через них, но не с ними» [Луман 1994].

«Со всех сторон, – объяснял Щедровицкий, – я слышу: человек! <...> личность! <...> Вранье все это: я – сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше <...> Я все время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга своего мышления, а дальше есть действия мышления, моего и других, которые, в частности, общаются. В какой-то момент – мне было тогда лет двадцать – я ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя, как человека суть <...> Все наше поведение – это лишь отражение и пропечатка мощи нами используемых социокультурных форм, но никак не творение индивидуального ума. И в этом смысле я говорю: игра – играет, а мышление – мыслит» [Щедровицкий 1994: 9].

Не имеет смысла спрашивать, за кем истина – Кантом и вашим покорным слугой или Луманом и Щедровицким? Ведь автор принял положение Баумана, что социальная реальность популятивна, множественна. Другое дело, какой тип социальности стоит за указанными точками зрения: в одном случае, возможно, аристотелевская традиция политики (равен-

ство социальных акторов, выборность, обязательная смена власти, следование праву), в другом более консервативный (если не тоталитарный) тип социальности.

Нельзя ли наличие двух указанных методологий и отношения между ними считать инвариантными для социального знания, имеющими место как в Древнем мире, так и в модерне? Думаю, можно, на это предположение меня наводит старовавилонский миф об Атрахасисе, где, по сути, излагаются два сюжета: ранняя социальная организация древних царств и установление нового социального порядка.

«Когда боги, (как) люди,
Свершали труд, влачили бремя, –
Бремя богов великим (было),
Тяжек труд, многочисленны беды:
Семь Ануннаков великих
Труд свершать заставляли Игигов.

Боги-Игиги взбунтовались, «в огонь орудия свои побросали». В результате Энлилль, владыка земли, приказывает создать человека, который будет трудиться вместо богов, но для этого «нужно убить одного из богов, чтобы очистить остальных и замешать на крови убитого глину».

В собрание ответили: “Так да будет!”
Ануннаки великие, вершащие судьбы.
В день первый, седьмой и пятнадцатый
Совершил омовение (Энки).
(Бога) Веила, имевшего разум,
В собрание своем они убили...

Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали [Клочков 1983: 138].

Опять же, с одной стороны, деиндивидуальный процесс создания нового социального порядка, в котором люди будут подчиняться богам (реально их посредникам – царю и жрецам), с другой – трансформация сознания и новые смыслы (боги как творцы человека, принесшие для этого в жертву одного из богов, следовательно, в их руках существование человека и им надо подчиняться).

Итак, инвариант, но форма и отчасти структура во времени и в разных культурах кардинально меняются, достаточно сравнить рассматриваемый миф с реконструкцией Мартина Кревельда. Мало того, в следующих культурах появляются совершенно новые процессы и структуры, задающие и новое социальное целое, в рамках которого обе методологии устанавливаются заново. Например, аристотелевская схема социальности (равенство социальных акторов, выборность, смена власти, следование законам, установка на благо и справедливость) – это, безусловно, новообразование (новое целое). Хотя в аристотелевской политике можно увидеть рассмотренные два подхода, они устанавливаются заново и многие идеальные объекты здесь совершенно новые.

«Поэтому, – пишет Аристотель в “Политике” – как об этом ранее сказано в “Этике”, принцип взаимного воздаяния является спасительным для государств; этот принцип должен существовать в отношениях между свободными и равными, так как они не могут все властвовать одновременно, но либо по году, либо в каком-нибудь ином порядке, либо вооб-

ще периодически... Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководствуясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо граждане, участвующие в государственном общении не граждане, либо они должны все быть причастны к общей пользе. Государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе. По общему представлению справедливость есть некое равенство...а такое равномерно правильное имеет в виду выгоду всего государства и общее благо граждан» [Аристотель 1983: 129, 420, 445, 457, 467, 471].

Но в этом случае напрашивается вывод, что логика социального развития предполагает две модальности: закономерности и сингулярность. Например, наличие двух рассмотренных методологий и общие понятия типа власть, социальный месседж и концепция, социальная динамика и строение – закономерности, а понятия право, государство, институты когда-то впервые появляются как новообразования (право только в античности, а государство и институты в Новое время). Другое дело, что дальше, поскольку они начинают воспроизводиться, складывается новая закономерность.

Можно ли утверждать, что нам удалось охарактеризовать основания социальной науки? Только отчасти, только некоторые основания. Дело в том, что выделение оснований предполагает рефлексию, анализ и обобщение научных исследований, в данном случае социальных исследований. А в силу исторической и культурной обусловленности форм социальности, в силу их популярности, этих исследований очень много, и социальные философы смогли промыслить только небольшую часть этого множества. Следовательно, работу по выделению оснований социальной науки необходимо продолжить.

Аристотель. 1983. Политика. – Аристотель. *Соч. в 4-х т. Т. 4.* – М.: Мысль. – С. 375–645.

Бауман З. 1996. *Мыслить социологически.* – Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: Аспект-Пресс. – 255 с.

Вебер М. 2002. *Протестантская этика и дух капитализма.* – М.: Ист-Вью. – 352 с.

Кант И. 1964. Критика чистого разума. – Кант И. *Сочинения в 6 тт./ Т. 3.* – М.: Мысль. – 799 с.

Клочков И. 1983. *Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время.* – М. Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. 207 с.

Латур Б. 2014. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию.* Пер. с англ. И. Полонской. – М. Изд. дом Высшей школы экономики. 381 с.

Луман Н. 1994. Понятие общества. – *Проблемы теоретической социологии* / Под. ред. А.О. Бороноева. – СПб. – С. 25–42. – Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/96-03-004-luman-n-ponyatie-obschestva-problemy-teoreticheskoy-sotsiologii-pod-red-boronoeva-a-o-spb-1994-s-25-42>. – Проверено: 20.11.2024.

Розин В.М. 2011. *Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании* / В.М. Розин; Российская акад. наук, Ин-т философии. – М.: URSS. – 255 с.

Розин В.М. 2016. *Природа социальности: Проблемы методологии и онтологии социальных наук.* – М.: ЛЕНАНД. – 288 с.

- Розин В.М. 2020. *Генезис европейской социальности. Этюды-исследования. Новое время.* – М.: Новый хронограф. – 400 с.
- Федотова В.Г. 2000. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук. – *Анархия и порядок.* – М.: URSS. – 144 с.
- Щедровицкий Г.П. 1994. Сладкая диктатура мысли. – *Вопросы методологии.* – № 1–2.